

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЪ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

I.

ЗНАЧЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА. — ХАРАКТЕРЪ ЖИЗНИ РАСКОЛА ДО ПЕТРА. — ВНЕШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РАСКОЛА ПРИ ПЕТРѢ. — ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РАСКОЛА ВЪ ТУ ЖЕ ЭПОХУ. — ЗНАЧЕНІЕ ДЕНИСОВЫХЪ ВЪ ИСТОРИИ РАСКОЛА. — ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ.

Въ августъ 1689 года царица Софія, правительница Россіи, заключена была въ монастырь, и молодой царь Петръ вступилъ въ самостоятельное управленіе государствомъ. Дѣло преобразованія Россіи начато было и велось по немногу его предшественниками, теперь началась та страшная лопка, которая упрочила за Петромъ имя преобразователя Россіи и которую произвести способенъ былъ только этотъ могущественный характеръ. Новое направленіе государственной жизни не могло остаться безъ вліянія и на ходъ церковныхъ дѣлъ: вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи раскола.

Отъ вопроса церковнаго, которымъ такъ много занимались въ предыдущія царствованія и правительство и общество и

весь міръ русскій, Петръ устремился на путь внутреннихъ государственныхъ и гражданскихъ преобразованій и воинственныхъ предпріятій внѣшнихъ; сюда же, къ этимъ преобразованіямъ и предпріятіямъ Петра, отвлечено было вниманіе всего общества русскаго, которое волей-неволей должно было показывать къ нимъ сочувствіе, подчиняться имъ, принимать въ нихъ дѣятельное участіе — своими трудами и достояніемъ. На долю раскола осталась такимъ образомъ далеко уже не та степень правительственнаго вниманія и общественнаго участія, какая удѣлялась ему дотолѣ: о немъ не забыли, но не имѣли возможности, досуга заниматься имъ, заботиться нарочито о его искорененіи. Были еще другія обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на характеръ отношеній Петра къ расколу въ первой половинѣ его царствованія. Въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ дважды объѣхалъ Европу и посѣтилъ большую часть европейскихъ государствъ. Воспитанный ниневѣрцемъ, и вслѣдствіе этого естественно расположенный къ вѣротерпимости, Петръ за границей наслушался, сверхъ того, протестантскихъ понятій о свободѣ совѣсти. Въ Германіи, затѣмъ, онъ видѣлъ иной родъ отношеній государей къ представителямъ религіи (*), вежели какой существовалъ до того времени въ землѣ русской: этотъ новый родъ отношеній власти гражданской къ представителямъ церкви, пришелся ему какъ нельзя болѣе по душѣ (**); для его деспотической природы невыносимо было то дѣтски-покорное отношеніе, въ какомъ на-

(*) См. *Прав. Обзор.* 1862, нояб. «Новости нѣмецкой богословской литературы.»

(**) «Въ Виртембергѣ Петръ I разбилъ въ куски чашку Лютера, рассердившись на то, что ему не позволили взять ее съ собою, и замѣтилъ, что монументъ Лютера въ церкви не довольно блестящъ для такого великаго человѣка. Король голландскій совѣтовалъ Петру въ установленіи отношеній между церковью и государствомъ подражать Генриху VIII и самому сдѣлаться главою религіи, безъ чего онъ никогда не могъ бы сдѣлаться полнымъ господиномъ въ своей землѣ. *Этотъ совѣтъ поправился царю.*» См. «Лекціи Ставлера» *Твор. Св. Отца.* 1862, к. 2.

ходились его предшественники къ патріарху, котораго всегда называли не иначе, какъ *святѣйшій патріархъ, отецъ нашъ* (*). Такимъ образомъ возвратившись домой, Петръ вывезъ изъ-за границы между прочимъ и новыя понятія объ отношеніи церкви къ государству, понятія, вслѣдствіе которыхъ церковныя дѣла утрачивали тотъ характеръ государственнаго значенія, какой имѣли дотола въ Россіи допетровской, и нравственное вліяніе духовной власти на правительство гражданское ослабѣло. Петръ не былъ человѣкомъ невѣрующимъ, какъ хотятъ думать у насъ нѣкоторые; напротивъ, мы видимъ, что готовясь къ своимъ труднымъ предпріятіямъ, онъ искренно молитъ Бога о помощи и всегда столь же искренно благодаритъ Его за свои побѣды, — въ этомъ отношеніи это была русская душа. Но весь предаанный своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, Петръ Великій и въ пастыряхъ церкви, которые, какъ онъ зналъ, имѣли такое сильное вліяніе на народъ, хотѣлъ видѣть больше исполнителей своей державной воли, проповѣдниковъ правды воли монаршей, нежели независимыхъ служителей дѣла Божія, пастырей духовныхъ. Поэтому Петръ, говоря вообще, не любилъ духовенства, въ которомъ видѣлъ ревностнаго поборника старинныхъ, исконныхъ началъ русской жизни, и со стороны котораго всегда ожидался противодѣйствія своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ. Свое нерасположеніе къ духовенству Петръ, сознательно или безсознательно, выражалъ и въ невниманіи къ тому дѣлу, которое составляло главную заботу церкви—къ искорененію раскола,—по крайней мѣрѣ до того времени, пока не сталъ подозрѣвать, что въ расколѣ есть нѣчто, кромѣ разностей богослужебныхъ—есть элементы враждебные и государству.

(*) *Царь же яко отцемъ своимъ архіереомъ повинувся*, выражается Семень Денисовъ въ «Виноградѣ Россійскомъ»: «царь всю душу свою и всю Русію положилъ на патріархову душу», писалъ духовникъ царя Алексѣя Михайловича. Ст. Бонифатьевъ къ Іоанну Неронову.

Все это было причиною того, что до самаго того времени, какъ возникло дѣло о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, въ дѣятельности Петра не замѣчается стремленія преслѣдовать расколъ гражданскими мѣрами: по видному, Петръ предоставилъ въ это время расколъ духовному попеченію пастырей церкви. Знаменитыя двѣнадцать статей царевны Софіи противъ раскольниковъ, отличавшіяся такою необычайною строгостію къ послѣдователямъ «древняго благочестія» (*), оставались дѣйствующими законами до того времени, когда Петръ положилъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ, но они перестали имѣть практическое приложеніе едва ли не съ той самой поры, какъ заключена была въ монастырь царевна Софія,—лишь только повѣяло въ Россію новымъ духомъ (**). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что во все это время пастыри церкви, въ своей дѣятельности противъ раскола, лишены были того содѣйствія гражданской власти, которое оказывали ей предшественники Петра, *ревнуя по Господь Божь и оберегаючи матерь свою святую церковь* (***) . Наконецъ въ 1714 году, узнавъ отъ преосв.

(*) *Акт Арх. Эксп. IV, № 284. Собр. Зак. II, № 1102.* Этими постановленіями предписывалось, между прочимъ, казнить смертію расколоучителей, хотя бы они и покаались; что это постановленіе приводилось въ исполненіе, видно изъ слѣдующаго указа новгородскому митрополиту Корнилію: «по нашему великихъ государей указу они Ѳедака и Исайка пытаны и огнемъ сжены накрѣпко; у пытки они говорили, «что церкви-де Божіей во всемъ повинуются.» И по нашему В. Г. указу, велѣно пушгаго вора Ѳедаку... допросить—у отца духовнаго исповѣдаться и причаститься желаетъ ли, и причастя, велѣно его Ѳедаку казнить смертію. А разстрѣвъ Исайкѣ учинить наказанье и бить на козлѣ кнутомъ и отослать къ тебѣ богомольцу нашему... и ты бы для исправленія въ вѣрѣ, сослалъ его въ Новг. монастыри.» *А. Ист. 3, № 117.*

(**) Нѣкоторые частные случаи фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ въ началѣ Петрова царствованія были больше дѣломъ личнаго усердія областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ какого-либо возбужденія со стороны высшаго правительства.

(***) *Слово Соб. 1681 г., см. А. И. т. 3 № 75.* Это содѣйствіе основывалось на исконномъ обычаѣ церкви и узаконено было положительными соборными правилами: «являеть правило собора Карвагенскаго (94) —

Питирима, какъ велико число раскольниковъ въ Россіи, Петръ, руководимый расчетами государственной экономіи (*), пришелъ къ мысли обратить расколъ въ статью государственнаго дохода, и положилъ всѣхъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ, открыто объявляя, чтобы раскольники приходили записываться *безъ всякаго сомнѣнія и страха, не отнимая нѣкоторыхъ пустошному совѣту (**)*. Такимъ образомъ Петръ прямо, *de jure*, призналъ открытое существованіе раскола.

Слѣдствія новаго направленія правительства обнаружались весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны, это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченія весьма небольшого промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотошъ пряталось и таилось, теперь обозначилось ясно и мало-по-малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться, среди шумныхъ событій того времени незаметно группируясь на украиняхъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители «древняго благочестія.» Съ другой стороны, новаторскія стремленія Петра, столь ненавистныя большинству его подданныхъ, деспотизмъ, съ какимъ относился онъ къ самымъ заветнымъ вѣрованіямъ народа, весьма много содѣйствовали умноженію числа раскольниковъ; здѣсь беретъ свое начало проповѣдь Талицкаго и Левина, которые хотя сами не принадлежали ни къ одной изъ раскольническихъ общинъ и не отдѣлялись отъ церкви, тѣмъ не менѣе

рождашія во благочестіи и въ вѣрѣ воспитани бывше цари руку даяти церквамъ должны суть (Корм. л. 156), говорится въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Соб. Зак., т. I, ст. 3).

(*) Что на этотъ разъ Петръ дѣйствовалъ не по началу вѣротерпимости, которой онъ удостоивалъ лишь своихъ заграничныхъ просвѣтителей, а главнымъ образомъ изъ расчетовъ государственной экономіи, видно изъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергалъ онъ раскольниковъ, укравшихся отъ двойнаго оклада.

(**) См. Полн. Собр. Зак. VI, № 3547.

одинъ своиѣ тетрадки, другой свою проповѣдь не одного изъ православныхъ заставили бѣжать въ скиты поморскіе и керженскіе отъ антихриста, «ниже есть Петръ первый.»

Еще замѣчательнѣе перемѣна во внутренней жизни раскола, совершившаяся отчасти подѣ вліаніемъ новыхъ отношеній правительства къ расколу и новаго направленія государственной и общественной жизни въ Россіи, отчасти же совершенно независимо отъ этого обстоятельства. Съ этого собственно времени, какъ намъ кажется, *начинается внутренняя самостоятельная жизнь раскола*. Во все предшествующее время, около пятидесяти лѣтъ, начиная съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый голосъ противъ Никоновыхъ преобразованій, расколъ жилъ почти исключительно внѣшнею жизнью—борьбою, домогательствами соединиться съ церковію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ находилъ законными и единственно справедливыми. Считая свое дѣло правымъ, вожди раскола долго не могли примириться съ тою мыслию, чтобы благочестивый и благодушный царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ заступиться за древнее благочестіе: онъ обмануть, обольщенъ духовными властями, говорили расколуучители,— нужно только раскрыть предъ нимъ истину, и истина восторжествуетъ. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ писемъ и челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу, а послѣ—и къ его преемникамъ, въ которыхъ раскрывается эта раскольническая мысль (*). Изъ круга своихъ специальныхъ знаній бывшіе справщики печатнаго двора набрали значительное число аргументовъ, казавшихся имъ довольно сильными для того, чтобы подѣйствовать на царя, склонить его къ поведенію, сообразному съ ихъ намѣреніями. Общій смыслъ ихъ

(*) До 1666 г. было восемь челобитныхъ. Челобитчики: Аввакумъ (два челоб.), Феодоръ діаконъ, Никита, Лазарь, нижегородскій старецъ Авраамій (его челобитную можно читать въ *Имп. Публ. Библ. рук. 425*), Епифаній инокъ соловецкій, Александръ еп. вятскій, въ послѣдствіи обратившійся. Всѣхъ челобитныхъ извѣстно до 12-ти, кромѣ писемъ къ царю. См. *Ист. раск. Преем. Макара*, стр. 161—173.

тотъ, что царь долженъ Никоновы нововведенія упразднить, и древнее благочестіе уставить (*). Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патріархѣ Іосифѣ, общими почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго бѣлаго духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя (**), первые расколуучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ. Такъ какъ они до конца своей жизни большею частію не теряли надежды возобладать церковію, то имъ и на мысль не приходило составить изъ себя и изъ своихъ послѣдователей какое-либо особое отъ церкви общество и устанавливать какіе-либо свои догматы: своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ они считали дѣло всей церкви, изъ которой итъ нужно было только удалить новолюбца Никона и подражавшихъ ему его преемниковъ. Въ 1682 г. расколуучитель Сергій хотя и говорилъ московскимъ раскольникамъ-бунтовщикамъ: *мыль мнитсѣя, братія, наоборотко сотворисѣ паденіе архіереовъ нашихъ, понеже застарѣли отъ нихъ ереси, и злоба велія возрасте*, — но не совѣтовалъ имъ бѣжать изъ Москвы въ пустыню, а вслѣдъ затѣи прибавлялъ: *обаче подвижемсѣя со усердіемъ; писано бо есть: проповѣди ради благочестія да будетъ ти брань* (***)). Не о томъ они хлопотали, чтобы имъ лично и ихъ послѣдователямъ дозволено было свободно содержать старое благочестіе: они требовали, чтобы,

(*) См. «Вин. Росс.» ст. 4, 5 и слѣд. Аввакумъ пишетъ къ царю: «да Никона отъ патріаршества отставить, и древнее благочестіе уставить, да патріарха иного, благочестива и богобоязлива устроить.» Тѣми же словами говоритъ діаконъ Феодоръ.

(**) См. «Житіе Аввакума.» Также «Вин. Росс.» ст. 4-ю; объ Аввакумѣ говорится здѣсь, что когда онъ, по возвращеніи изъ Сибири, представился царю, то «царь съ любовію его призвавъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивно подавъ, словеса мирная и жалостная съ воздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти.»

(***) См. три челоб., изд. Кожанч., стр. 74—75. Digitized by Google

отбѣнивъ постановленія московскаго собора 1666 — 67 гг., отрекшись отъ всего, что сдѣлано было въ церкви Никонѣ, царь для всего государства, для всѣхъ своихъ подданныхъ усвоилъ и узаконилъ то невѣжественное пониманіе вѣры и законовъ церковныхъ, какое имѣли они сами. Для древней, допетровской Руси незнакомо было, а потому и немислямо совмѣстное существованіе въ одной странѣ у одного народа двухъ исповѣданій; и какъ православная церковь того времени не могла простить отступленіе отъ нея роднымъ членамъ одной русской семьи, хотя неприкословно допустила свободное пребываніе въ самой Москвѣ ино-вѣрцевъ-иностранцевъ: такъ и расколъ не могъ тогда допустить существованіе «никоніанства» наравнѣ съ собою. «Аще не ты по Господѣ Божѣ, пишетъ Аввакумъ къ царю Феодору Алексѣевичу, — кто намъ поможетъ? А что царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ (никоніанъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ одинъ день, — не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ — чаю. Перво бы Никона собаку разстѣкъ на четверо, а потомъ бы и никоніанъ (*).

(*) См. Опис. нѣкоторыхъ раск. сочин. Александра Б., ч. 2, стр. 38. Въ другомъ сочиненіи своемъ Аввакумъ высказываетъ увѣренность, что Христосъ всѣхъ никоніанъ *подъ началомъ имъ* (раскольниковъ) *отдастъ — дайте-ка то срозъ. «Я вамъ и лучшему-ту ступлю на горло о Христь Исусь»*. См. Оп. Александра Б., ч. 2, стр. 10. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что расколъ въ принципѣ, также какъ и прав. церковь, признаетъ законность участія гражданской власти въ дѣлахъ церковныхъ; обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу, расколоучители искали не милости, не случайнаго заступничества сильнаго, а зывали въ силу старинныхъ порядковъ, апеллировали тогдашнимъ законнымъ путемъ къ законному покровителю церкви. Поэтому-то, конечно, челобитчики отнюдь не высказываютъ того, чтобы царь не по праву вступался въ церковныя дѣла. они говорятъ только, что царь ошибочно, по невѣдѣнію оказываетъ свое содѣйствіе никоніанамъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало защищать ревнителей древняго благочестія, на сторонѣ которыхъ, говорятъ челобитчики, находится истина. Позже защитники раскола, какъ извѣстно, болѣе опредѣленнымъ образомъ формулируютъ свой взглядъ на это дѣло такъ: государь въ дѣлахъ церкви есть представитель интересовъ пастырь; онъ же и защитникъ ея правъ и интересовъ противъ

Такъ говорилъ Аввакумъ не задолго уже до своей смерти, когда, свыкшись съ своими страданіями и подь вліяніемъ мысли о близкой смерти, онъ, повидимому, былъ настроенъ болѣе миролюбиво, чѣмъ когда-либо, хотя въ тоже время больше, чѣмъ когда-либо, былъ убѣжденъ въ истинѣ своего ученія.

То, чего не удалось достигнуть челобитными, думали получить силой, посредствомъ возстаній и бунтовъ и чрезъ участіе въ гражданскихъ смутахъ. «Въ лѣто 7190 мая въ 15 день попущеніемъ св. Бога, во градѣ Москвѣ сотворися смятеніе великое... возсташа воинствѣи людіе... По ономъ же смятеніи бысть между ними усердное совѣтованіе *о древнемъ благочестіи, еже бы сіе пакы въ російскѣмъ іосударствѣ возобновити и въ прежнее состояніе привесть.* Рѣшили, что лучшее средство для этого собраться, по возможности, всѣмъ исповѣдникамъ древняго благочестія и ударить челомъ великимъ государямъ. *Придохъ съмо милости просити старой православной вѣры,* говоритъ Никита въ грановитой палатѣ. Какой же милости? Чтобы не преслѣдовали этой старой вѣры, чтобы позволили имъ свободно содержать свое ученіе? Нѣтъ, патріархъ Іоакимъ прямо сказалъ имъ, что мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жемъ, но за то, яко насъ еретниками называютъ и св. церкви не повинуются—сожигаемъ,»— «а крестится, кто како хочеть, двѣма персты или трема, или всею рукой—сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразити,—мы о томъ не истязуемъ.» Тоже подтвердила царевна Софія и епископъ нижегородскій. «Придохомъ милости просити, продолжаетъ Никита, *чтобы повельми великіе іосудари патріарху и прочимъ архіереемъ пакы въ церкви пріяти старопечатныя книги, и чтобы по нимъ вся службы и прочая вся по прежнимъ благочестивымъ обычаемъ исправили, а новыны бы отложили.*» (*).

притязаній архипастырства, — слѣдовательно онъ долженъ защищать расколъ... Таковъ смыслъ всѣхъ позднѣйшихъ обращеній со стороны раскола къ правительству гражданскому и современнымъ членамъ раскола.

(*). См. три челоб. изд. Кожанч., стр. 72, 84, 92.

Долговременнымъ тяжелымъ опытомъ убѣдился расколъ, что ни чѣлобитными, ни бунтами ему ничего не добиться, что церковь не возвратится на тотъ путь, на который хотѣли поставить ее расколуучители. Казни, которыя были отвѣтомъ на апелляции и протесты раскольниковъ, отрезвили расколъ, дали ему понять истинный ходъ дѣла: спасая свою жизнь, раскольники бѣгутъ въ пустыни и лѣса...

Тогда расколъ въ свою очередь отрекся отъ «церкви великороссійской.» Онъ пересталъ заниматься частностями Никонова дѣла и окончательно установилъ свой общій взглядъ на него. Отрывочные голоса о наступленіи царства антихриста, изрѣдка раздававшіеся дотола, въ устахъ нѣкоторыхъ расколуучителей, теперь сдѣлались общимъ жизненнымъ ученіемъ огромнаго большинства раскольниковъ, главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія безпоповщины.

Доколѣ не покидала расколъ надежда возстановить себя въ качествѣ церкви и при томъ единой господствующей церкви, пока расколъ въ лицѣ своихъ вождей находилъ лучшимъ для своихъ цѣлей со всею, свойственною простотѣ, откровенностію, искренностію и даже запальчивостію протестовать и бороться въ Москвѣ, въ Москвѣ сосредоточивалась жизнь раскола, этою апелляціею и борьбой заняты были всѣ его силы. Правда и въ это время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше скоплялось раскольниковъ въ лѣсахъ и пустыняхъ; но это пребываніе въ лѣсу было или простымъ укрытельствомъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, или сурово-аскетическимъ приготовленіемъ къ ожидаемой или, вслѣдъ за пришествіемъ антихриста, кончинѣ міра; страхъ быть открытыми полиціею не давалъ имъ опомниться, собраться съ силами, чтобы соединиться въ «общее житіе....» Теперь, потерявъ всякую надежду на побѣду, на успѣхъ своихъ домогательствъ въ отношеніи къ церкви, расколъ созналъ потребность жизни самобытной. Вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ по истинѣ было эпохою въ жизни раскола: въ то самое время, какъ расколѣ

почувствовалъ со всею силой внутреннюю необходимость жизни самобытной, Петръ, давъ новое направленіе государственной жизни, новый исходъ государственной силѣ, открылъ ему внѣшнюю, физическую возможность заняться самими собою. И вотъ мы видимъ, что теперь слагаются многочисленныя раскольническія общины съ извѣтною, довольно сильною и крѣпкою организаціей, которыя живутъ своею собственною замкнутою жизнью, по своимъ началамъ и порядкамъ.

Какіе же эти порядки и начала самобытной внутренней жизни раскола? И прежде всего,—какія у раскола были данныя для того, чтобы начать жизнь самобытную? Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти массы простолюдиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опекѣ и руководствѣ со стороны? Время ли было простолюдину русокому начать самобытную духовную жизнь? Отвѣтъ понятенъ самъ собою. Но нужно еще сказать, что никогда не были такъ слабы духовныя силы раскола, какъ теперь. Первые расколоучители—главнѣйшіе, наиболѣе представительные вожди раскола, для которыхъ его дѣло было личнымъ, кровнымъ дѣломъ, которые заражали всѣхъ своимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ,—эти люди давно уже сошли со сцены. Имъ исчерпанъ былъ тотъ небольшой запасъ мелочныхъ и, большею частію, несправедливыхъ обвиненій на православную церковь, какія могли они набрать изъ круга своихъ спеціальныхъ знаній—для оправданія своей, неожиданной для нихъ самихъ, оппозиціи. Но кромѣ того, что всѣ эти обвиненія были достаточно опровергнуты со стороны церкви въ «Жезлѣ правленія» и въ «Увѣтѣ духовномъ», теперь, когда борьба прекращалась, этотъ родъ сочиненій (въ

родъ челобитной Лазаря или Савватія) утрачивалъ свое значеніе: теперь мало было отрицать Никоновы новшества, а нужно было выяснять себя, отчасти вновь строить, свое положительное ученіе. Ученіе первыхъ расколуучителей было *старообрядчество* въ строгомъ смыслѣ: но обряды богослужбные сами по себѣ, а особенно при раскольничьемъ пониманіи ихъ, безъ проникновенія въ ихъ внутренней смыслъ и духъ, не составляютъ еще собственно ученія, не даютъ отвѣта на тѣ вопросы теоретическаго свойства, какіе естественно и неизбежно возникаютъ въ умѣ даже простодушнаго невѣжды. Пока расколъ не отторгся еще отъ церкви, а только препирался съ нею, онъ находилъ рѣшеніе этихъ вопросовъ въ общехристіанскомъ церковномъ ученіи, которое наравнѣ съ церковію содержали первые расколуучители, не имѣвшіе вообще намѣренія заниматься чѣмъ-либо, кромя усмотрѣнныхъ ими новшествъ въ новопечатныхъ богослужбныхъ книгахъ. Теперь, когда расколъ окончательно отбѣдился отъ церкви, когда не было уже у него ученыхъ вождей перваго времени, раскольники должны были начать жить своимъ умомъ, въ самихъ себѣ должны были искать рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ вѣдъ всякой непосредственной связи съ исправленіями Никона. Какъ же строилъ расколъ свое ученіе? изъ какихъ данныхъ сложилось оно? Кое-что могъ, конечно, извлечь расколъ изъ «твореній» первыхъ расколуучителей, хотя они и немного сдѣлали для раскола въ этомъ отношеніи. Безконтрольное, совершенно произвольное обращеніе съ дѣлами церковными при слабомъ патріархѣ Іосифѣ не приучило первыхъ расколуучителей къ сдержанности и скромной умѣренности въ богословствованіи; ихъ невѣжественная вѣра въ собственную мудрость и непогрѣшимость не научила ихъ уважительно обходиться съ ученіемъ религіознымъ. Страстно и необузданно предаваясь «свободному мышленію», они договаривались до самыхъ вопіющихъ несообразностей. Протопопъ Аввакумъ, этотъ «замѣчательный русскій богословъ», какъ называютъ его новѣй-

шіе изслѣдователи раскола (*), и дѣйствительно самый ученый изъ расколоучителей перваго, допетровскаго періода, заговорилъ о томъ, что св. Троица сѣдять на трехъ престолахъ, а Христось особь, — *не спрѣтавшись сидѣть три царя небесные* (**). Никита, бывшій священникомъ «многое число лѣтъ,» свѣщ. хлѣбу на *проскомидіи* поклонялся, какъ тѣлу Христову (***) . А когда не стало этихъ вождей раскола, то дѣло пошло еще хуже. Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древле-русской, дониконовской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; между тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другаго свойства — страсть къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ — поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно большій просторъ сдерживаемому дотолѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ человеческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться въ Бринскихъ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ мужиками и бабани, съ которыми знакомить насъ св. Дмитрій Ростовскій въ «Ро-

(*) См. Максимова, разск. изъ ист. старообр.

(**) См. «Розыскъ,» ст. 1, гл. 25, стр. 77 по изд. М. 1824 г. у А. Иоаннова, ч. 1, стр. 69 по изд. С.-Пет. 1831. У Есипова въ статьѣ «Керженскіе раскольники,» т. 2. Кстати здѣсь замѣтимъ, что Семень Денисовъ въ «Виноградѣ Россійскомъ» отвергаетъ подлинность писемъ Аввакума, въ которыхъ онъ разсуждаетъ о св. Троицѣ: «Дмитрій въ «Розыскѣ» и Питиримъ въ «Працицѣ» оглаголюють Аввакума *неправеднымъ* поношеніемъ,» говоритъ Семень. Въ діаконовскихъ отвѣтахъ Софоніевскаго толка (ст. 12) говорится: «Аввакумъ, Никита, Лазарь и прочіе ихъ товарищи, которые обличеніе на новыя книги писали, таковыхъ ихъ подлинныхъ писемъ не видѣхомъ. А еже въ «Жезлѣ» и «Увѣтѣ» обличеніе подь ихъ именовъ, и тѣмъ обличеніемъ не слагаемъя и отвѣту за нихъ не творимъ и тѣмъ обличеніемъ не мнимъ быти всѣмъ отъ нихъ писаннымъ.» Такъ сознавали Денисовы непригодность дѣйствій своихъ предшественниковъ и необходимость стать на новую дорогу. (См. Описан. раск., соч. А. Б., ч. 2, стр. 39).

(***) См. «Жезлъ правленія.»

зыскѣ» и Игнатій митроп. сибирскій въ своемъ третьемъ посланіи, — которыя не смотря на всю свою гнусность и нелѣпость, находили однако себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Расколъ видимо потерялъ свою почву, потому что въ такомъ богословствованіи, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ, — и обнаруживалъ рѣшительную неспособность имѣть какую-либо духовную, церковную жизнь внѣ общенія съ церковію. Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей — не болѣе, онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, но крайней мѣрѣ могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и самоубійствомъ духовнымъ.

При такомъ положеніи дѣла какая судьба предстояла расколу? *«Заткаете во мноюмъ мудрованіи своемъ, писалъ Аввакумъ еще къ современнымъ ему раскольникамъ, — и уже другъ друга жушаются... Глупцы! что черви капустные пропадете (*).* «По видимому, если когда должно было исполниться это пророчество, такъ это именно теперь, когда въ расколѣ было, по справедливому выраженію Теофилакта Лопатискаго, *«что мужикъ — то въра, что баба — то уставъ»*. Расколъ, по видимому, долженъ былъ исчезнуть если не отъ внѣшнихъ гоненій, то отъ собственнаго внутренняго безсилія. Въ самомъ дѣлѣ, сознавая указанное положеніе дѣла, какой здравомыслящій христіанинъ, которому дорого вѣчное спасеніе, не отрекся бы по видимому отъ раскола, какъ бы ни казались уважительны его претензіи! Но эти несчастныя массы, конечно, не отреклись отъ раскола; напротивъ, подъ вліяніемъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, какими ихъ подвергали, они ожесточались все болѣе и болѣе. Тѣ мотивы, которые произвели расколъ въ началѣ, глубоко залегли въ русскую жизнь и не переставали дѣйствовать во все время. Затѣмъ привзо-

(*) См. *Описан.* Ал. Б. ч. 2. стр. 21

шли въ расколъ новые элементы, чуждые первоначальному его характеру: когда утвердилась въ расколѣ мысль объ антихристѣ,—за нее ухватилось съ жаромъ всякое недовольство, ища въ ней оправданія своему противленію. Наконецъ въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ имъ трудно было понять, что ихъ религиозное чѣвство, большею частію искреннее и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищею. Таковъ былъ ходъ предшествующей исторіи, такова была сила вещей. Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо, на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой предъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживает не только сознаваемое энтузіастическое вѣрованіе—что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и бессознательно почувствованное благо жизни свободной — на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета. Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самоожженія и другіе виды самоубійства: такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многіе увлеклись здѣсь мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затѣй (*).

(*) Въ исторіи Выгов. пустыни безчисленное множество подобныхъ примѣровъ. Инокъ Виталій, напр., переходя постоянно съ мѣста на

По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ церковнаго благословія и просвѣщеннаго руководства пастырскаго, эти подвиги конечно не имѣли нравственнаго значенія. Эти же- монахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и четвѣхъ-миніяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духа. Другіе стремились удовлетворить потребности свободнаго мышленія, занялись богословствованіемъ и произвели на свѣтъ тѣ странныя ученія, о которыхъ упоминалось выше. Кто имѣлъ страсть къ народоучительству, тотъ оставлялъ на время свои подвиги въ лѣсу, выходилъ въ села и деревни съ проповѣдію о старой вѣрѣ. Нешироко было содержаніе ихъ проповѣди,—всего двуперстное сложеніе, да чтеніе молитвы: Господи, Ісусе Христе Сыне Божій, а не «*Боже нашъ*» (*), тѣмъ неменѣе они находили себѣ вездѣ пріемъ и почетъ и слѣпое довѣріе. То, что было худшаго въ древлерусской церковной жизни—это узкое, исключительно обрядовое пониманіе вѣры, было лучшимъ въ жизни раскола. Нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ предавались пустосвятству, или мирнымъ сельскимъ занятіямъ: «пахали землю кочеругою и сѣяли рожь подъ гарью». Большею же частію выступали въ дѣло худшіе инстинкты; раскольники говорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ, — а въ сущности правилами ихъ жизни были тѣ выработанныя ихъ досужимъ смысломъ аксіомы, въ которыхъ содержится или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: «не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»; или: «хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужь не ходи» (**). Наконецъ, эти простецы отреклись отъ за-

мѣсто, носилъ за плечами «чурку деревянную, сырую», другой—въ то время, какъ топила печь въ избѣ и вся изба наполнялась дымомъ, нарочито поднимался къ потолку, чтобы дымъ, собравшійся тамъ въ большемъ количествѣ, сыпалъ въ ему глаза и пр.

(*) См. напр. Есипова, Т. 2, статью «Пафнутій».

(**) См. Духъ мудров. раск. толков. іером. Іоанна, стр. 10.

коннаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ вѣншемъ устройствѣ своего быта, — неизбѣжно поддавали деспотизму какого-либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толпою умомъ и житейскимъ тактомъ, льстя ея страстямъ, приспособляясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, употреблялъ ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Въ такое-то время жили и трудились для раскола братья Денисовы. Выступивъ на сцену въ такую пору, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны,—при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія,—они явились, какъ бы для того, чтобы своими талантами, своею чудовищною энергіею, помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола. Преосв. Макарій совершенно справедливо замѣчаетъ, что «никогдѣ столько не сдѣлалъ для раскола, какъ два брата Андрей и Семень Денисовы, князья Мышетскіе» (*). Что жъ это были за люди, и что сдѣлали они для раскола? Представимъ въ общихъ чертахъ характеръ и значеніе этихъ людей, на сколько можемъ это сдѣлать послѣ внимательнаго изученія ихъ сочиненій и жизни.

1) Расколуучители перваго періода, допетровскаго, выступая съ своимъ протестомъ, не имѣли никакихъ заднихъ мыслей и стороннихъ побужденій, кромѣ развѣ мелочнаго самолюбія и личнаго раздраженія противъ патр. Никона: большею же частію ими руководило непосредственное убѣжденіе въ правотѣ раскольническаго ученія; они зывали къ народу, потому что искренно, большею частію, вѣрили, что съ сугубымъ аллилуіа, съ хожденіемъ посоловъ и тому подобными

(*) Ист. раскола, стр. 256.

«догматами» соединено неразрывно вѣчное спасеніе. У нихъ одна забота—утверждать и распространять свое ученіе, успѣхъ котораго былъ для нихъ дѣломъ личной чести; что потомъ дѣлалось съ людьми, которые, внимая ихъ проповѣди, раздѣляли съ ними ненависть къ Никону и никоніанству,—то выходило изъ круга ихъ непосредственныхъ намѣреній: самъ Аввакумъ, проповѣдь котораго обвиняла сравнительно болѣе широкій кругъ предметовъ, договорился лишь до частныхъ отношеній раскольниковъ къ православнымъ въ обществѣ. Въ Андрей Денисовъ, въ первомъ изъ вождей раскола, мы замѣчаемъ заднія мысли болѣе крупнаго размаха,—мысли, которыя выходятъ изъ круга узкихъ мелочныхъ интересовъ личныхъ. Тоже нужно сказать и о братѣ его Семенѣ, котораго вообще все значеніе состоитъ въ томъ, что онъ, обладая не меньшими талантами, какъ и Андрей, хорошо понималъ и усвоилъ себѣ его планы и цѣли и, подражая ему во всемъ, имѣлъ такой же успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Оба брата воспитались и провели большую часть своей жизни въ Выговскихъ дѣсахъ и не имѣли никакихъ лично-непріязненныхъ отношеній къ кому-либо изъ правительственныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ они могли бы раздражаться и ожесточаться такъ, какъ раздражался въ свое время Аввакумъ. Андрей Денисовъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ раскола и современныхъ ему потребностей раскольнической общины: этимъ объясняется та необыкновенная энергія, какую обнаружилъ Андрей и какая имѣла своимъ слѣдствіемъ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ оставилъ онъ расколъ послѣ себя.

2) Какія же эти заднія мысли? Что значить это необычайное служеніе расколу, всѣми силами своего существа, со стороны человѣка даровитаго, умнаго даже ученаго? Ничего нѣтъ труднѣе, какъ произносить судъ о внутреннихъ побужденіяхъ, движущихъ дѣйствіями человѣка. Здѣсь, конечно, прежде всего имѣла значеніе естественная потребность дѣятельности, какую свойственно испытывать всякому чело-

вѣку, сколько-нибудь возвышающемуся надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Поставленный рожденіемъ и ходомъ вещей въ известной средѣ, онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ ея интересовъ и свою энергію посвятилъ именно этимъ интересамъ. Андрей былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ известнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется—человѣкъ образованный, просвѣщенный; онъ, поэтому, не могъ понять узкости и мелочности иногаго въ расколѣ. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, выдѣлить ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами, *отградить* церковь отъ враговъ ея.—какъ весьма удачно выражается П. Любопытный (*). Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею? Въ біографіяхъ Андрея и въ исторіи Выговской пустыни дѣйствительно проглядываетъ этотъ мотивъ довольно замѣтно. И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами—имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитаго, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ. Но едва-ли можно думать, что это былъ единственный мотивъ, двигавшій Андреемъ. Впервые, Андрей распорядился раскольническую общиною, какъ мы увидимъ, не безотвѣтно и не деспотически; затѣмъ,—дѣло управленія «выговскимъ пустынножителствомъ» сопряжено было для него со многими трудностями и скорбями; для того, чтобы переносить ихъ, нужно было имѣть много любви къ своему дѣлу. Необычайная энер-

(*) См. Чт. Моск. Об. Ист. и др. 1863 г. кн. I, бібліотека П. Любопытнаго.

гя, какою отличался Андрей, свойственна только людямъ болѣе или менѣе убѣжденнымъ. Этой энергіи вполне отвѣчаетъ и тотъ энтузіазмъ, какой пробудилъ къ себѣ Андрей въ раскольнической массѣ, во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, каковой высказываетъ Андрей въ своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, по видимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола, — это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественно мѣ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до степени живаго убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человекъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ и самыхъ высокихъ сладостныхъ чувствъ, и мучительныхъ душевныхъ страданій, какъ это было напр. съ Лютеромъ. Нѣтъ, Андрей относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать, схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, — а въ побужденій чисто внѣшнихъ; эти ученые труды нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго внимательства, отдѣлаться отъ запросовъ власти церковной и гражданской. Если бы расколъ остался безотвѣтенъ предъ этими запросами, онъ потерялъ бы всякій законный поводъ къ своему отщепенству: расколъ долженъ былъ бы тогда или соединиться съ церковію, какъ это слѣ-

лаля поповцы послѣ неудачныхъ преній съ Питиримомъ, или же подвергнуться преслѣдованію гражданскаго правительства, которое въ этомъ случаѣ получало благовидное основаніе видѣть въ раскольникахъ не столько церковныхъ отщепенцевъ, людей отдѣлившихся отъ церкви по различію сознательнаго релігіознаго вѣрованія, сколько враговъ порядка общественнаго, противниковъ власти гражданской; тогда открывался бы просторъ разнымъ принудительнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ расколу, со стороны правительства, въ родѣ тѣхъ, какими дѣйствовали противъ раскола предшественники Петра. Таково было происхожденіе знаменитыхъ «Поморскихъ отвѣтовъ». «*Сіе отвѣтное разглагольствіе писано* съ древлецерковными доводы, съ святоотеческими свидѣтельствами, говоритъ Андрей Неофиту въ предисловіи, — *дабы ваше учительство, усмотрѣвъ насъ во святоотеческихъ уставѣхъ крѣпцѣ и несумнительнѣ пребывающихъ, оставили насъ неволнуемы и небыдимы, но отеческими утробами милостивно ущедряемы*». Въ этомъ случаѣ Андрей весьма охотно дѣлалъ употребленіе изъ своихъ схоластическихъ способностей, радъ былъ дать работу мысли цѣпкой и изворотливой. Очень можетъ быть даже, что Андрей вовсе не вѣрилъ во многія изъ тѣхъ мелочей, которыя доказывалъ и изъ за которыхъ препирался (*). Такимъ образомъ мы не думаемъ, чтобы главнымъ источникомъ энергій Андрея была какая-либо простодушная вѣра въ раскольническіе догматы... Умъ Андрея былъ болѣе практическаго свойства: онъ охотно занимался богословскими преніями, но еще охотнѣе, еще съ большею энергіею

(*) Изучая главнѣйшія, лучшія сочиненія Андрея, нельзя не замѣтить по мѣстамъ чувство и паеость; но это чувство не относится къ доказываемой имъ истинѣ: этимъ вещамъ у него принадлежать лишь силлогизмы и аргументы. А чувство это есть — чувство ловко сдерживаемой, но все-таки замѣтной злобы въ отношеніи къ православнои іерархіи и къ духовенству вообще, которое не хочетъ оставить въ покоѣ его паству. Не хочетъ отказаться отъ своего права проповѣдывать слово истинны заблуждающимъ; это — чувства ироніи, презрѣнія, ненависти, обставленныя часто весьма почтительными выраженіями.

онъ трудился, когда нужно было рѣшить какую-нибудь трудную практическую задачу, какъ напр. выдти изъ затруднительнаго положенія. Андрей не столько былъ занятъ ученіемъ раскола, сколько его внѣшнею судьбой. Ученіе раскола было для него преданіемъ, готовымъ даннымъ; что же касается внѣшней судьбы раскола, то здѣсь каждую минуту расколъ, такъ сказать, вопіялъ къ нему о помощи: постоянно и чутко ему нужно было прислушиваться, откуда дуетъ вѣтеръ, не грозитъ ли откуда опасность — и предотвращать ее; въ этомъ случаѣ Андрей былъ для раскола чловѣкъ незамѣнимый. Бѣдственная судьба исповѣдниковъ древняго благочестія поражала его въ дѣтствѣ; надъ нею задумывался Андрей въ болѣе зрѣлыя лѣта, она же и до конца жизни постоянно давала работу его головѣ и его сердцу. Въ заботахъ объ улучшеніи внѣшней судьбы раскола Андрей поставлялъ свое призваніе, въ нихъ находилъ онъ наслажденіе независимо отъ помысловъ властолюбія, и предавался этимъ заботамъ съ увлеченіемъ, съ страстію. *«Яко смокву обрѣтохомъ въ пустыни Израіля, или яко зерно едино или второе зрѣло въ безгоднѣхъ фродѣхъ, говоритъ Андрей о первомъ времени своего пребыванія въ пустынѣ Выговской: бѣ бо тогда стадо Христово въ сихъ поморскихъ пустыняхъ аки въ ноци бурный и темный, въ юнкельныхъ волненіихъ и отъ безчисленныхъ людей въ обуреваніихъ, по пустынямъ, страдальчески безъ чина и паствы (*)».* При видѣ этого разбѣяннаго стада въ немъ естественно было явиться желанію—собрать его и заняться его судьбой. Итакъ вотъ что возбуждаетъ фанатизмъ и энергію Андря главнымъ образомъ—внѣшняя бѣдственная судьба раскола. Раскольнику, а особенно раскольнику тѣхъ временъ, слишкомъ трудно было бы, если бы даже онъ и захотѣлъ, отрѣшиться отъ пристрастій и предубѣжденій противъ церкви православной. Затѣмъ Андрей шелъ обыкновеннымъ путемъ всѣхъ отрицателей: случайныя явленія въ русской церкви принималъ за

(*) Въ надгробномъ словѣ Петру Прокопьеву.

общій законъ ея жизни, частное обнаруженіе, внѣшнюю форму—за существенное, и пришелъ такимъ образомъ къ убѣжденію, что благо его общины—въ разрывѣ съ церковію и государствомъ, въ уединеніи и самобытномъ существованіи,—каково бы ни было это существованіе.

Съ этой точки зрѣнія яснымъ представляется для насъ поведеніе и характеръ дѣйствій Андрея. Онъ видѣлъ, что единственное средство обособить его общину отъ православныхъ—раскольничество,—что какъ въ глазахъ народа только релігіозный фанатизмъ можетъ быть достаточно сильнымъ побужденіемъ выдѣлиться изъ общаго гражданскаго порядка, бросить села и деревни и бѣжать въ пустыню, обособиться отъ міра, въ которомъ царить антихристъ, такъ и въ глазахъ правительства гражданскаго и церковнаго релігіозное разногласіе можетъ служить достаточно благовиднымъ оправданіемъ отдѣленія со стороны раскола отъ церкви и общества: и вотъ онъ защищаетъ раскольничество всѣми силами, стараясь доказать, что *не въ своихъ, но въ древлепреданныхъ уставахъ пребываемъ... Не новины какія затѣляемъ, не догматы своемысленныя нововнесохомъ, не за своевольная преданія утверждаемъ*: но готовая древлеправославная церковь преданія содержитъ, по готовымъ священнымъ книгамъ Богу службу приносимъ... Приобщенія нынѣшнія россійскія церкви опасаются *не церковныхъ собраній именуящихся, не священныя санъ отнимающе, не тайкопѣйствъ церковныхъ ненавидяще*, — но подѣ древлецерковная запрещенія да не подпадемъ, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковныя содержанія согласитися ужасаемся... *Сю ради ижемы расколоторцы* (*). Въ этомъ состоятъ первое и главное значеніе «Поморскихъ отвѣтовъ»; какъ ни велико это сочиненіе по объему, но въ немъ далеко не все сказано изъ дѣйствительныхъ вѣрованій Андрея и его паствы; много скрадывается, ради большей благовидности. Андрей идеализируетъ расколъ,

(*) См. Помор. отв. вступленіе.

изображаетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы видѣть его самъ, или, лучше сказать, въ какомъ видѣ расколъ долженъ былъ представляться по настроенію Андрея въ глазахъ правительства. Подобнымъ образомъ и проповѣди Андрея имѣютъ цѣлю не столько разсѣять умственное невѣжество его паствы и дать имъ сколько-нибудь ясное пониманіе тѣхъ вѣрованій, за которыя боролся расколъ: Андрей главнымъ образомъ борется противъ нравственныхъ нестроеній паствы, которыя могли бы навлечь на Выговскую общину преслѣдованіе правительства, которое терпѣло ея существованіе въ томъ единственно убѣжденіи, что въ Выговскомъ обществѣ все обстоитъ благополучно. Далѣе: когда эти простые люди, спасаясь отъ преслѣдованій полиціи, очутились въ пустынѣ, — они вообразили себя пустынниками, аскетами. Но привыкши вести жизнь семейную, они, конечно, оказались вовсе неспособными къ жизни аскетической. Андрей не могъ не видѣть этого; но преслѣдуя свою цѣль — обособить свою общину отъ міра никоніанскаго, онъ не счелъ нужнымъ разочаровывать ихъ, выводить ихъ изъ заблужденія, чтобы, съ одной стороны — не отнять отъ нихъ того, что заставляло ихъ любить свое уединенное положеніе; а съ другой, — чтобы сдѣлать ихъ жизнь хотя по внѣшности благовидною: онъ предоставилъ имъ пустосвятствовать, сколько имъ угодно, устроилъ даже жизнь ихъ на подобіе монастырской. Такой утилитарный взглядъ на дѣло, конечно, достоинъ осужденія, — этимъ Андрей закрѣплялъ за расколомъ то фарисейство, то безнравственное раздвоеніе внутренняго и внѣшняго, какое доселѣ характеризуетъ расколъ. Но нужно сказать, что какъ ни широкъ былъ взглядъ Андрея въ этомъ случаѣ, многого труда стоило ему соблюдать и ту внѣшнюю благовидность, какую онъ считалъ необходимою. Потворствуя иногда разврату въ своей общинѣ, онъ уступалъ необходимости, уступалъ не безъ борьбы, какъ это видно изъ его проповѣдей, которыя всѣ почти посвящены увѣщаніямъ и обличеніямъ, хотя довольно нерѣшительнымъ и осторожнымъ.

потому что его власть въ общинѣ не была па столько сильна, чтобы онъ могъ ригористически вести себя въ отношеніи къ своей паствѣ; онъ видѣлъ невозможность передѣлать всю общину по извѣстной теоретической мѣркѣ, искоренить вдругъ то, что было въ натурѣ раскольника.

3) Что же именно сдѣлалъ Андрей для раскола? Въ описанное нами время, вождю раскола предстояло выполнять двѣ задачи: собрать во едино это расточенное стадо, организовать его въ благоустроенную общину, привести въ порядокъ его внѣшній бытъ, обезпечить по возможности его гражданское положеніе, спокойныя и независимыя отношенія къ правительству гражданскому и церковному, дать раскольнической общинѣ свое хозяйство, свой внутрешній бытъ; и ввторыхъ—привести въ порядокъ ученіе раскола, поставить снова расколъ на его первоначальную почву, отъ которой отторглись первые расколуучители въ жару фанатизма и ожесточенія, — формулировать раскольническія вѣрованія, дать имъ опредѣленный, по возможности систематическій видъ, подыскать для нихъ quasi — научныя основанія, чтобы свое отчужденіе отъ церкви и общества православнаго расколу можно было оправдывать своими вѣрованіями, замаскировать дѣйствительные мотивы этого отчужденія; наконецъ, — для самой раскольнической общины рѣшить накопившіеся вопросы, возникшіе изъ новаго отчужденнаго положенія ея. Андрей съумѣлъ выполнить какъ ту, такъ и другую задачу. Организуя раскольническую общину, онъ далъ ей благовидное устройство, не стѣсняя въ то же время серьезно инстинктовъ, порывовъ своеволія и разнузданности нравственной. Удовлетворяя второй потребности, Андрей далъ имъ такое богословіе, которое стояло гораздо выше пониманія раскольнической толпы и которое надолго обезопасило и укрыло поморцевъ со стороны правительства. Петръ Великій былъ вполне удовлетворенъ Поморскими отвѣтами.

Совершенно понятенъ тотъ необыкновенный энтузіазмъ, съ какииъ относятся къ Андрею Денисову раскольники всѣхъ

время, для изображенія котораго безсильною оказывается незатѣйливая риторика его біографовъ и панегиристовъ (*). Нѣтъ похвалы, которою бы они его не превознесли. По нѣвнью современныхъ намъ раскольниковъ, заслуги Андрея для христіанства и церкви могутъ быть сравнены только съ заслугами св. князя Владиміра равноапостольнаго. Такъ угличскій купецъ Выжловъ показывалъ о себѣ на допросѣ, что онъ—«христіанскія вѣры, которая была принята княземъ Владиміромъ при крещеніи, и согласно 106 отвѣташъ, даннымъ іеромонаху Неофиту княземъ Мышетскимъ при Петрѣ I (**). Вообще братья Денисовы не только подняли упавшее дѣло раскола, но и сообщили ему ту силу, самоувѣренность и самодовольство, которыя такъ долго служили и доселѣ служить источникомъ его несокрушимаго упорства. *Той есть matka всему*, говоритъ раскольникъ Круглый предъ Самаринимъ, указывая на Семена Денисова: *той есть matka всему, а то—дѣтки: они прельстили весь олоонецкій уездъ, и не только олоонецкій уездъ, но и всю Россію.... (***)* Вотъ эпиграфъ къ исторіи Денисовыхъ.

Считаемъ не лишнимъ показать источники, которыми мы пользовались при нашемъ изученіи.

1) «Житіе и жизнь премудраго древняго благочестія учителя, блаженнаго отца Андрея Діонисевича, иже трудовъ подвижнѣ написа.... преславныя книги, отвѣтственные—едину противъ епископа Питирима, другую же.. противъ Неофита.» Сочиненіе это гораздо бѣльшаго объема, нежели какъ можно было ожидать отъ біографіи, гораздо бо-

(*) «Отечество премудраго сего учителя (такъ наприимѣръ начинается одна изъ біографій Андрея) изъ славнѣйшей части свѣта Европы славнѣйшая Россія, елико изобилующая всякими плодами и древесами, только и пребогатая разными металлы; преславна же есть и славными царями, и крѣпкимъ воинствомъ, нашаче же благочестивымъ православіемъ и вѣрою во св. Троицу и пр.

(**) См. Кельс. вып. 4-й, стр. 246.

(***) Раск. дѣла XVIII ст. Есипова, т. 1, стр. 397. Ист. Выгов. пуст., гл. 73.

лѣе интересное, нежели какъ можетъ представиться при первомъ взглядѣ на него. Біографъ поставилъ для себя задачей восхвалить Андрея и говорить о немъ тономъ панегирика; но по мѣстамъ сообщаетъ много весьма характеристическихъ подробностей, иногда проговаривается и о такихъ фактахъ, которые могли бы и не имѣть мѣста въ панегирикѣ. По каталогу Любопытнаго извѣстны два «житія» Андрея Діонисіевича: одно принадлежитъ Ивану Филиппову (№ 310), автору «исторіи Выговской пустыни»; другое (№ 130)—Андрею Борисову, знаменитому настоятелю Выговской пустыни въ царствованіе Екатерины II. Что «житіе», которымъ мы пользовались (рукопись Импер. Публ. Библ. № 1276) не принадлежитъ Ивану Филиппову, это видно изъ того, что авторъ его, по его же словамъ, только «пользовался сочиненіемъ писателя Ивана Филиппіевича» исторіею Выговской пустыни. «Наиболѣе отъ слышанія жительствовавшихъ съ нимъ (съ Андреемъ)... сіе повѣствованіе происходитъ, ничто же убо сами отъ сего видѣвше, но отъ списавшихъ таковая яко цвѣты собрахомъ... еще же и отъ исторіи Ивана Филиппіевича....» Итакъ это компиляція; принадлежащая Андрею Борисову (род. 1734, ум. 1791 или 1809 г., см. Кат. Люб.; и хронологію Любопытнаго—въ раск. дѣлахъ XVIII ст., т. 1).

2) «Исторія Выговской пустыни», сочиненіе одного изъ преемниковъ Андрея, Ивана Филиппова, описывающее всѣ событія въ Выговской пустыни отъ начала появленія тамъ раскола до 1740 г.,—событія, въ которыхъ Андрей Денисовъ большею частію былъ главнымъ дѣятелемъ.

3) Сочиненіе Ивана Алексѣева — «о тайнѣ брака:» здѣсь нѣсколько подробностей объ отношеніяхъ Андрея къ раскольнической общинѣ, отчасти его ученіе о бракѣ.

4) «Раскольничья дѣла XVIII стол., извлеченныя изъ дѣлъ Преображ. приказа и тайной канцеляріи, Есинова:» — здѣсь нѣсколько подробностей изъ жизни Андрея и Семена—официальнаго происхожденія.

5) Сочиненія православныхъ обличителей раскола: преимущественно обличеніе неправды раскол. преосв. Теофилакта Лопативскаго, и «дополненіе...» къ этому сочиненію преосв. Арсенія Маціевича (рукопись Имп. Публ. Библ. въ каталогъ Строева — «описаніе 6-ки Толстаго,» IV, 60, это сочиненіе ошибочно приписывается Неофиту; — что оно не принадлежитъ послѣднему, видно изъ самого заголовка его: «дополненное обличеніе неправыхъ отвѣтовъ выгорѣцкими пусто-святами *честному* іеромонаху Неофиту составленное.... въ нынѣшнемъ 1745 году...»): оба эти сочиненія посвящены разбору Поморскихъ отвѣтовъ, — послѣднее — преимущественно введенія. Преосв. Арсеній занимается не столько частностями раск. ученія, сколько выкапываетъ въ духъ раскола и въ характеръ его жизни. Другіе, второстепенные источники будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Главнымъ же источникомъ для изученія личностей двухъ братьевъ должны были бы служить ихъ сочиненія, которыхъ Андрей написалъ 115 №№ (по каталогу Любопытнаго), а Семенъ больше 50-ти. Мы имѣли подъ руками изъ всѣхъ сочиненій Андрея 29 №№ (за исключеніемъ «Поморскихъ отвѣтовъ»): это сборникъ проповѣдей Андрея и его разсужденіе о крещеніи (рук. Имп. Публ. Библ., № 345 т. 4; по каталогу Строева, № 385). Изъ проповѣдей Андрея наиболѣе замѣчательнымъ намъ представляется «надгробное слово выгорѣцкому епископу Петру Прокопьевичу, еще же и исторія краткая о общежительствѣ себѣ,» довольно обширное сочиненіе, въ которомъ онъ излагаетъ всю первоначальную исторію раскола въ Поморьѣ и нѣкоторые, болѣе замѣчательные факты изъ времени своего настоятельства. Въ «исторіи Выговской пустыни,» изданной Кожанчиковымъ, вся первоначальная исторія раскола въ Поморьѣ заимствована слово во слово изъ этого сочиненія. Изъ сочиненій Семена, мы имѣли подъ руками всего лишь «Виноградъ Россійскій,» да исторію о страдальцахъ соловецкихъ... При такомъ недостаткѣ необходимѣйшихъ матеріаловъ, при недостаткѣ по-

собій, которыя могли бы служить руководящею нитью для сужденія объ Андрѣ,—мы ограничиваемъ свою задачу тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ поставить вопросъ о личности Андрея и его брата, намѣтить главныя черты ихъ характера, рассказать съ возможною полнотой всѣ тѣ факты изъ ихъ жизни, какіе намъ удалось узнать на основаніи упомянутыхъ матеріаловъ, и которыя, какъ доселѣ мало извѣстныя и даже неизвѣстныя, могутъ представлять въ себѣ нѣкоторый интересъ и послужить данными для представленія двухъ знаменитыхъ дѣятелей раскола.

Николай Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).
